



ТАЯ ГОРДЕЛИС

МАТЬ МОЕГО
НАСЛЕДНИКА
ЖЕНА БРАТА

18+

Тая Горделис

Мать моего наследника.

Жена брата

<https://litres.ru/74423169>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Почему ты вышла за него?
- Ты исчез.
- Я умирал!
- А я тебя ждала!

Почти через семь лет Евгений вернулся. Поздно. Теперь я жена его брата! Только медведь Жени не отходит от моего сына ни на шаг...

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тая Горделис

Мать моего наследника.

Жена брата

От автора

Пока он спал, борясь за жизнь, брат прибрал к рукам власть, истинную и наследника. Но хрена с два он откажется от тех, кого потерял!

Глава 1

Евгений открыл глаза и несколько секунд смотрел на низкий каменный свод. В щели между плитами горела маленькая лампа, рядом потрескивали дрова, а на стене двигалась тень сидевшего у огня человека. Он попробовал повернуть голову, но затёкшая шея отозвалась болью, и свод поплыл перед глазами.

Человек поднялся со стула и подошёл к лежанке. Евгений узнал Семёна Матвеевича по широким ладоням и привычке хмурить левую бровь, когда тот считал пульс. За время, прошедшее с их последнего разговора, целитель совсем поседел, похудел и сгорбился.

— Женья, слышишь меня?

Евгений хотел ответить, но пересохшее горло не пропустило звук. Семён Матвеевич поднёс к его губам кружку, придержал затылок и дал сделать несколько глотков. Вода оказалась тёплой и горьковатой от лекарственных трав.

— Ещё.

— Хватит пока. Через несколько минут дам ещё.

Евгений облизал потрескавшиеся губы, закрыл глаза и прислушался к себе. Руки и ноги почти не чувствовались, сердце билось медленно, с неприятными перебоями, а зверь не отзывался. Он позвал медведя и дождался слабого толчка из глубины. Тот был жив, но сил подняться у него пока не

хватало.

— Сколько я спал?

Семён Матвеевич опустил кружку на пол возле лежанки.

— Тебе сейчас нельзя волноваться.

— Сколько?

— Шесть лет и девять месяцев. Поболе.

Евгений снова посмотрел на свод. Он хорошо помнил последние часы перед берлогой, дорогу, голоса целителей и лицо Вадима, склонившегося над ним в машине. В памяти сохранился и мартовский двор Калининых. Лера стояла возле крыльца в тонком домашнем платье, а он обещал вернуться и боялся упасть у неё на глазах.

Теперь шёл сентябрь. Семён Матвеевич назвал дату, потом повторил её и стал рассказывать о долгом сне, но Евгений слышал через слово. Для него прошло несколько тяжёлых часов. Остальные прожили почти семь лет.

— Телефон дай.

— Ты пальцами ещё пошевелить толком не можешь.

Евгений поднял правую руку. Та оторвалась от одеяла и сразу упала ему на грудь.

— Уже могу.

— Убедил, — буркнул целитель. — Через пару дней разрешу по комнате пройтись, а через неделю, глядишь, сам нос почешешь.

— Сегодня дай.

— Кому звонить собрался?

— Вадиму.

Семён Матвеевич поджал губы, налил ещё воды и снова помог ему приподнять голову.

— Сначала выпей. До вечера всё равно не получишь. Сердце еле работает, зверь только начал просыпаться, а ты решил за один час со всем родом поговорить.

— С родом потом. Мне нужно знать, что произошло.

— Род на месте, земли тоже. Вадим управляет временно. Главой его Совет не утверждал, пока ты жив это невозможно.

— Иван Калинин?

Семён Матвеевич отвёл кружку и вытер воду с подбородка Евгения краем полотенца.

— Умер через несколько месяцев после твоего исчезновения. Болезнь быстро его забрала.

Иван знал свой диагноз и потому торопился передать дочери дела. Он предлагал Евгению союз двух родов, общий дом и брак с Валерией, но оставлял решение за ними. После нескольких дней рядом с Лерой Евгений уже собирался согласиться. Отложил разговор до утра и не дождался его.

— А Валерия как?

— Жива. Компанию отца удержала, с вашим совместным терминалом тоже всё в порядке.

— Она... она замужем?

Целитель встал и отнёс кружку к столу.

— Об этом с братом поговоришь.

— За кого она вышла?

— Я рядом с тобой почти семь лет просидел и не хочу, чтобы ты умер в день пробуждения. Вадим сам расскажет. А сейчас закрой глаза и постарайся уснуть.

Семён Матвеевич умел хранить чужие тайны, однако речь шла о жизни Евгения. Он скрывал имя мужа Леры из-за возможной реакции, и вариантов оставалось немного. Медведь заворочался внутри и снова затих.

— Что со мной случилось? — спросил Евгений. — Почему я проспал столько лет?

Старик вернулся к лежанке и сел рядом.

— Когда тебя привезли, зверь почти не отзывался, сердце замедлялось. Мы успели погрузить тебя в глубокий сон, а потом проверили всё, что ты принимал перед поездкой к Калинин. В восстановительном отваре оказалось слишком много концентрата.

— Насколько много?

— Такой дозы хватило бы, чтобы убить любого медведя за несколько дней. Я готовил основу и сам рассчитывал капли. Все эти годы перепроверял записи и до сих пор не понимаю, где ошибся.

Евгений помнил причину лечения. На совместном объекте рухнуло перекрытие, и трое рабочих остались под бетонной плитой. Кран опаздывал, конструкция продолжала оседать, поэтому он обратился, забрался под неё и держал до приезда спасателей. Людей вытащили, а измученный медведь после этого почти сутки не позволял вернуть челове-

ский облик. Семён Матвеевич назначил обычный восстановительный курс и велел несколько дней не обращаться.

— Ты был старым ещё до моего рождения, — сказал он.
— Мог просчитаться.

— При такой дозе ты должен был угаснуть за несколько дней. Сначала зверь, следом человек. Я ждал этого каждую ночь.

— Значит, мой медведь оказался упрямее твоих расчётов.

— Весь в хозяина, зараза.

Семён Матвеевич повернулся к нему. Под глазами старика лежали глубокие тени, а руки заметно дрожали. Почти семь лет он провёл в этой берлоге, поддерживал жизнь в чужом теле и ежедневно ждал смерти человека, которого лечил с детства.

— Хватит себя жрать, Матвеич. Живой я. Видишь?

— Пока да.

— И подышать не собираюсь.

Целитель фыркнул и подошёл проверить пульс. На этот раз пальцы у него почти не дрожали.

— Тогда лежи спокойно. Вечером дам телефон на пять минут, если сердце не начнёт чудить.

— На десять.

— На три.

— Договорились на пять.

— Ишь, глава проснулся, — проворчал Семён Матвеевич и подтянул одеяло к его груди. — Два часа глазами хлопает,

а уже торгуется.

К вечеру Евгений смог самостоятельно держать кружку обеими руками. Семён Матвеевич осмотрел его, принёс телефон с новой картой и предупредил, что отключит связь при первых признаках ухудшения. Старый номер давно не работал, доступ к счетам и почте требовалось восстанавливать, но номер брата Евгений помнил.

Вадим ответил после второго гудка.

— Да.

— Привет.

В трубке послышался скрип кресла.

— Жека?

— Узнал всё-таки.

— Ты очнулся? Где ты? Я сейчас приеду.

— Сиди дома. Сюда тебя не пустят.

— Скажи, где эта берлога.

— Сам не знаю. Как род?

— Ты семь лет почти пролежал без сознания и спрашиваешь про отчёты?

— Восемь лет назад ты перепутал две цифры в смете, и мы подарили подрядчику почти миллион. Поэтому спрашиваю.

Вадим выругался, и в его голосе появилась знакомая усмешка.

— Ничего ты не забыл. Род в порядке, холдинг работает, земли на месте. Я всё тебе передам, как приедешь. Семён Матвеевич что говорит?

— Говорит лежать.

— Иногда его полезно слушать. Когда вернёшься?

— Недели через две.

Целитель, сидевший рядом, показал кулак.

— Он ещё не решил, — сказал Евгений. — Рассказывай, что изменилось.

Вадим начал с дел рода. За последние годы достроили терминал, выкупили два карьера и расширили посёлок. Несколько стариков умерли, в семьях родилось одиннадцать детей, младшие сыновья успели жениться. Евгений слушал, задавал вопросы и пытался уложить в голове чужую жизнь, прошедшую без него.

— Ты женат? — спросил он, когда брат закончил рассказывать о новой школе.

— Женат.

— На ком?

— На Лерке Калининой.

Пальцы сжали телефон, и Семён Матвеевич потянулся к нему, но Евгений остановил старика взглядом. Имя мужа теперь прозвучало вслух, хотя он догадался ещё утром.

— Давно?

— Почти семь лет. Женька, тебе сейчас лучше отдохнуть.

Поговорим дома.

— Дети есть?

— Сын. Богдан. Через три недели шесть исполнится.

Евгений посчитал месяцы и понял, что Лера согласилась

на брак вскоре после его исчезновения. Обещание вернуться мало значило без единой весты. Она похоронила отца, приняла компанию и родила ребёнка, а рядом оказался мужчина, который мог её защитить. Женщина не обязана ждать всю жизнь человека, исчезнувшего после нескольких дней знакомства и одной ночи.

— Поздравляю, — глухо сказал он.

— Спасибо. Я рад, что ты вернулся. Правда рад.

— Скоро увидимся.

Семён Матвеевич забрал телефон и отключил его. Евгений лежал неподвижно, пока сердцебиение не выровнялось. Перед глазами стояла Лера в отцовском доме. Она смеялась над его привычкой распоряжаться, спорила из-за брачного договора и уверяла, что фамилию Калинина у неё никакой медведь не отнимет. Утром он собирался сказать Ивану, что согласен на брак при любых условиях дочери.

Теперь Валерия правда носила фамилию Михайлова. Только вот женой её сделал Вадим.

— Я предупреждал, — сказал Семён Матвеевич.

— Поздно предупредил.

— Поэтому и не назвал сразу.

Евгений повернул голову к нему.

— Я не собираюсь лезть в семью брата.

— Хорошо.

— Не веришь?

— Верю тебе. Медведю твоему никогда не верил.

Зверь скребнул когтями изнутри и потребовал домой. Он помнил Леру и не признавал ни прошедших лет, ни её нового положения. Евгений закрыл глаза и велел ему успокоиться. Валерия сделала выбор, а Вадим был его братом.

Следующие две недели прошли между лежанкой, короткими прогулками по пещере и телефонными разговорами с Вадимом. На второй день Евгений сел без помощи, на четвёртый дошёл до выхода из внутренней комнаты, а через неделю смог подняться по каменным ступеням к лесу. После нескольких минут на ногах начинала кружиться голова, и старик каждый раз загонял его обратно.

Медведь восстанавливался быстрее человека. Он уже требовал обращения, злился из-за запрета и часами бродил внутри, мешая спать. Евгений чувствовал прежнюю силу зверя, но тело ещё не выдержало бы её. Приходилось терпеть и пить новый отвар, который целитель готовил возле лежанки и проверял по несколько раз.

Вадим ежедневно присылал документы и списки. По цифрам холдинг оставался устойчивым, совместный проект с Калининскими приносил прибыль, а расходы рода не выходили за разумные пределы. Люди в отчётах беспокоили больше. Начальника внутренней безопасности заменили, руководителя строительного управления отправили на дальний объект, а Пётр Алексеевич числился советником без понятных обязанностей. Несколько фамилий Евгений вообще видел впервые.

На прямые вопросы Вадим отвечал спокойно. Старые люди устали, хотели меньшей ответственности или сами попросили перевод. Брат предлагал сразу вернуть любого, кого Евгений назовёт, и повторял, что временно держал дела до его пробуждения.

О Валерии они почти не говорили. Вадим сообщил, что она управляет компанией отца и вместе с ним живёт в главном доме. О сыне рассказывал охотнее. Богдан готовился к первому обращению, нервничал и старался не показывать страх. Через несколько дней после возвращения Евгения род собирался праздновать его шестилетие.

— Глаза у него твои, — сказал Вадим во время одного из разговоров. — Я в детстве больше на мать походил, а Богдан настоящий Михайлов. Увидишь.

В ту ночь медведь снова не давал Евгению уснуть. Он рвался домой, и успокаивать его становилось всё труднее.

На четырнадцатый день Семён Матвеевич провёл очередной осмотр, послушал сердце и начал собирать лекарства в кожаную сумку.

— Если свалишься по дороге, неделю не выпущу из комнаты.

— Да не свалюсь. Не переживай.

— Конечно. Ты у нас здоровый мужик, который после прогулки до ручья спал три часа.

— До ручья почти километр!

— Девятьсот тринадцать метров. Я считал.

Евгений забрал у него сумку и направился к выходу. Веса она немного, но донести её до машины оказалось хорошей проверкой. Семён Матвеевич шёл рядом, следил за каждым шагом и молчал. Только у двери автомобиля отнял сумку и поставил на заднее сиденье сам.

Дороги к берлогу Евгений не знал. Хранители вывезли их через закрытый проход в скалах, несколько часов петляли по горным дорогам и лишь потом выехали на трассу. За окнами тянулся осенний лес. За годы его отсутствия деревья выросли, возле города появились новые развязки, а на месте старой заправки стоял большой торговый центр.

Евгений смотрел на изменения и пытался представить Вадима во главе рода. Младшему всегда не хватало терпения, зато он легко сходилась с людьми и умел нравиться. Судя по отчётам, он справился с большей частью работы. Переводы старых руководителей требовали проверки, но разбираться следовало дома.

Мысли о Валерии он отгонял всю дорогу. Только получалось это плохо. Каждый раз медведь поднимал голову и напоминал о женщине, которую однажды признал своей. Евгений не знал, сохранилась ли связь после долгого сна. Он не чувствовал Леру в берлоге и не мог понять, угасла истинность вместе с годами или изменилась после её брака.

У ворот родового посёлка их уже ждала охрана. Шлагбаум подняли заранее, мужчины вышли из будки и приветствовали вернувшегося главу. Одного Евгений помнил молодым

парнем из боковой ветви, второй был ему незнаком.

Главная улица тоже изменилась. Возле административного здания достроили новое крыло, рядом с домами молодых семей появилась детская площадка, а вдоль дороги поставили фонари. Люди выходили к машинам, махали и склоняли головы. Евгений опустил стекло и отвечал на приветствия. Медведь узнавал территорию, своих людей и с каждым вдохом становился спокойнее.

Перед главным домом собралось несколько десятков человек. На крыльце висел знак рода, который доставали для инициации главы, свадьбы или первого обращения наследника. Сейчас его повесили в честь возвращения Евгения.

Хранитель открыл дверь, но Евгений выбрался из машины сам. После долгой дороги ноги плохо держали, поэтому пришлось постоять возле автомобиля и дожждаться, пока пройдёт слабость. Семён Матвеевич оказался рядом и придержал его под локоть.

— Убери руку, — тихо сказал Евгений.

— Я тебя в пелёнках видел.

— Остальные-то не видели.

Старик отпустил его и остался у машины. Евгений выпрямился и оглядел встречающих. Пётр Алексеевич стоял во втором ряду, хотя прежде занимал место справа от главы. За последние годы он поседел сильнее, но держал спину прямо и смотрел внимательно. Впереди разместились незнакомые мужчины в дорогих костюмах. Судя по тому, как они держа-

лись рядом с крыльцом, именно им Вадим доверял управление.

Брат вышел из дома и быстро спустился по ступеням. Он стал шире в плечах, сменил привычные свободные пиджаки на безупречно сидевший костюм и двигался с уверенностью хозяина. Увидев Евгения, широко улыбнулся и крепко его обнял.

— Я уже боялся, что ты передумаешь ехать.

— Матвеич пытался запереть дверь.

— Надо было помочь ему.

Вадим отступил, оглядел брата с головы до ног и снова улыбнулся.

— Худой ты стал.

— Откормишь.

— Сегодня точно. Там столы на весь дом накрыли.

Он повернулся к собравшимся и положил ладонь Евгению на плечо.

— Наш глава вернулся домой! — объявил Вадим всем.

— Завтра я начну передавать ему дела, а сегодня мы будем праздновать.

Люди заговорили, несколько женщин заплакали, и кто-то из молодых медведей громко предложил выпить за здоровье главы. Евгений смотрел на лица и узнавал родных, работников и старейшин. Многие действительно были рады. Люди Вадима улыбались вместе со всеми и продолжали следить за временным главой.

— Отчёты уже в твоём кабинете, — сказал брат. — Ключи у меня. Вечером отдам.

— Успеем завтра.

— Вот и правильно. Тебе надо отдохнуть и прийти в себя.

Евгений посмотрел на окна второго этажа. В комнатах появились другие занавески, возле бокового входа стояла незнакомая машина, а у двери лежал детский велосипед. Вадим жил здесь почти семь лет, растил сына и занимал место главы. Возвращение старшего за один день этого не отменяло.

Из открытой двери дома вышла женщина, и Евгений почувствовал её запах.

Медведь мгновенно поднялся внутри и рванул к ней. Евгений напрягся, удерживая зверя, и повернул голову.

На верхней ступени стояла Валерия. Её лицо стало взрослее, мягкие черты заострились, а во взгляде появилась жёсткость, которой он не помнил. Длинные каштановые волосы были собраны на затылке, тёмное платье облегло полную грудь, талию и бёдра. На правой руке блестело обручальное кольцо.

Лера смотрела прямо на него и сжимала пальцами дверную ручку. Она тоже узнала истинного. Не могла не узнать. Евгений видел это по побледневшему лицу, расширившимся зрачкам и тому, как высоко поднялась её грудь на вдохе.

Из-за неё выглянул мальчик. Тёмно-каштановые волосы, круглое лицо и серьёзные зелёные глаза. Он держался за мать

и рассматривал незнакомого мужчину с осторожным любопытством.

— Мам, это дядя Женья? — спросил он.

— Да, Богдан. Это твой дядя.

Вадим поднялся на крыльцо, положил ладонь жене на спину и подвёл её ближе. Лера позволила, но её взгляд остался на Евгении.

— Вы уже знакомы, — сказал Вадим. — А это мой сын Богдан.

Он подозвал мальчика и положил руку ему на плечо. Богдан сразу выпрямился, посмотрел на отца и послушно шагнул вперёд.

Евгений присел перед ним. Колени отозвались слабостью, но он удержал равновесие и протянул ладонь.

— Привет, Богдан.

Мальчик посмотрел на его руку, потом на Вадима и осторожно вложил маленькие пальцы в большую ладонь.

— Здравствуйте.

— Давай на «ты». Мы же родственники.

— Ты правда спал в горе?

— Правда.

— Всё время?

— Иногда просыпался и проверял, не съел ли Семён Матвеевич мои припасы.

Богдан перевёл взгляд на стоявшего у машины целителя. Старик возмущённо развёл руками, и мальчик улыбнулся.

— А медведь с тобой спал?

— Куда же я без него.

Зверь Евгения тянулся к ребёнку, запоминал его запах и требовал оставить рядом с собой. Богдан был сыном Вадима, его племянником и медвежонком старшей ветви, поэтому отклик зверя можно было объяснить родной кровью. Удивляла лишь его сила.

— В конце недели ему шесть, — сказал Вадим. — Первое обращение на носу. Но мой сын справится.

Ладонь брата снова легла на плечо мальчика. Улыбка исчезла с лица Богдана, но Евгений решил, что ребёнок вспомнил о предстоящей инициации.

Он поднялся и встретился взглядом с Валерией. Несколько шагов между ними давались зверю хуже цепей. Запах Леры остался прежним, и её брак ничего не изменил для медведя.

Жена Вадима по-прежнему была истинной Евгения.

Глава 2

Почти семь лет назад

— Ты хочешь выдать меня замуж за человека, которого я ни разу не видела?!

Лера отложила папку с договорами и посмотрела на отца. Он сидел за письменным столом, просматривал очередной отчёт и всем своим видом показывал, что речь идёт о деловом предложении, которое можно спокойно обсудить.

Только вот касалось оно не нового перевозчика и не условий строительства терминала.

— Я хочу, чтобы ты с ним познакомилась.

— Для чего?

— Ты прекрасно поняла.

— Мне хочется услышать это от тебя.

Отец снял очки, положил их на бумаги и устало потёр переносицу. За последний месяц он похудел, кожа на лице стала сероватой, а пальцы иногда начинали дрожать. О болезни они оба знали давно, но Валерия запрещала себе думать о том, что лечение могло не помочь.

Он продолжал приезжать в офис, проводил совещания и ругался из-за каждой неверной цифры в отчётах. Значит, всё ещё оставался прежним Иваном Калининым, которого боялись подрядчики и уважали главы родов.

— Для возможного брака, — ответил он. — Если вы оба

этого захотите.

— Он старше меня на пятнадцать лет!

— Я умею считать.

— Ему тридцать семь!

— И он до сих пор не разваливается от старости.

— Папа!

Он улыбнулся, но быстро посерьёзnel.

— Я не собираюсь вести тебя к алтарю за руку и отдавать первому мужчине, согласившемуся принять Калинину вместе с её наследством. Евгений ни на что не соглашался пока. Я предложил ему приехать и познакомиться с тобой.

— Значит, вы уже обсуждали меня.

— Я сообщил, что хотел бы видеть его своим зятем. Он ответил, что не принимает подобных решений заочно.

Валерия встала и подошла к окну. Дом Калининых стоял за городом, на краю леса. В марте снег ещё лежал между соснами, но с крыши уже капала вода, а на расчищенной дорожке блестели лужи.

Евгения Михайлова она видела на фотографиях и несколько раз во время рабочих видеозвонков. Огромный, широкоплечий, с резким лицом и тяжёлым взглядом ярко-зелёных глаз. Он редко улыбался и говорил так, что остальные мужчины замолкали.

Однажды Валерия присутствовала на совещании вместо заболевшего отца и попыталась возразить Михайлову. Евгений выслушал её, задал три вопроса, нашёл ошибку в расчё-

тах начальника отдела и принял предложенный ею вариант.

После этого он сказал:

— В следующий раз начинайте с цифр, Валерия Ивановна. Тогда нам обоим не придётся тратить первые десять минут на спор.

Она до сих пор не решила, похвалил он её или поставил на место.

— Почему именно он? — спросила Валерия.

— Потому что я с ним работал.

— Ты работал со многими.

— И слишком хорошо знаю, кто из них первым полезет делить имущество, когда меня не станет!

Валерия резко повернулась.

— Не говори так.

— Мне придётся. И тебе придётся научиться это слушать.

— Врачи не сказали, что ты умираешь.

— Они сказали достаточно.

Отец помолчал и надел очки, но к документам не вернулся.

— В начале проекта нас хотели сделать виноватыми в срыве поставок. Ты же помнишь.

— Конечно.

Калининым грозили огромные убытки. Подрядчик подделал часть документов, чиновник из областного управления прикрывал его, а Михайловы имели полное право разорвать договор и забрать логистику себе. Несколько недель отец по-

чти не ночевал дома. А потом Евгений привёз доказатель-
ства, прижал виновных и оставил первоначальные условия
проекта без изменений. Часть потерь его холдинг принял на
себя.

— Он мог получить контроль над терминалом, — сказал
Иван. — Мог потребовать долю в компании или новые усло-
вия. Я бы согласился, потому что другого выхода не было.
Евгений отказался.

— Я знаю.

— Знаешь не всё. Он сказал, что дал мне слово и не со-
бирается зарабатывать на чужом воровстве.

Валерия прислонилась плечом к оконной раме.

— За это ты решил отдать ему дочь?

— За это я понял, что его слово чего-то стоит.

Несколько дней назад на стройке обрушилось перекры-
тие. Трое рабочих оказались под плитой, которая продолжа-
ла оседать. Евгений обратился, забрался под неё и держал
тяжёлую конструкцию, пока людей вытаскивали из завала.

Валерия видела запись с камеры. Огромный тёмный мед-
ведь стоял под накренившейся плитой. Лапы скользили по
бетону, шерсть была покрыта серой пылью и кровью, но он
удерживал перекрытие до приезда крана.

После аварии руководство объекта предложило скрыть
часть обстоятельств. Евгений приказал передать следствию
все записи и выплатить пострадавшим компенсации.

— Он мог погибнуть, — напомнила она.

— Мог.

— И ты считаешь это разумным?

— Я считаю, что он не послал под бетон другого человека, когда мог пойти сам. Мне нужен мужчина, который защитит тебя так же.

— Мне не нужен защитник!

— Пока я рядом — возможно.

Она отвернулась к окну.

Разговоры о будущем всегда заканчивались одинаково. Отец напоминал, что она единственная дочь, женщины не обращаются и Совет никогда не признает её главой рода. Она могла унаследовать компанию, дома и счета, но после смерти Ивана возле неё немедленно появились бы желающие управлять Калиниными.

Валерия работала в компании третий год, знала людей и постепенно принимала на себя всё больше обязанностей. Ей не требовался муж, чтобы подписывать договоры.

Только отец говорил не о договорах.

— Когда он придет? — спросила она.

— Сегодня.

— Ты мог предупредить раньше!

— Тогда ты нашла бы срочную работу в Екатеринбурге и вернулась только через неделю.

— Если ты так хорошо меня знаешь, зачем вообще спрашиваешь согласия?

— Потому что это твоя жизнь, Лера.

Иван поднялся из-за стола. На несколько секунд его лицо исказилось, рука легла на край столешницы. Валерия подошла и поддержала его за локоть.

— Всё нормально, — сказал он.

— Сядь.

— Я пять минут назад сидел.

— И ещё посидишь.

Она помогла ему вернуться в кресло и налила воды. Отец выпил несколько глотков.

— Пообещай, что не станешь соглашаться из-за меня, — попросил он. — И не откажешь только потому, что сердись-ся на меня.

— Я встречусь с ним.

— Мне этого будет достаточно.

— А если он окажется таким же самоуверенным медведем, каким выглядит на совещаниях?

— Тогда вы быстро найдёте общий язык.

— Почему?

— Потому что ты ещё самоувереннее.

Машина Михайловых остановилась у дома после обеда.

Валерия увидела её из окна своей комнаты. Водитель открыл заднюю дверь, и Евгений выбрался на расчищенную площадку.

На фотографиях он казался крупным. В жизни рядом с ним даже высокий водитель выглядел меньше. Тёмное пальто сидело на широких плечах, короткие каштановые волосы

растрепал ветер, а на бледном лице выделялись зелёные глаза.

Евгений задержался возле машины и коснулся ладонью крыши. Водитель что-то спросил, но он покачал головой, выпрямился и направился к крыльцу.

Значит, после аварии ещё не восстановился.

Валерия отошла от окна, поправила платье и сердито распустила волосы. Отец не устраивал официальных смотрин, поэтому она выбрала тонкое домашнее платье тёмно-синего цвета и отказалась переодеваться к приезду гостя. Теперь наряд казался слишком мягким, а вырез — глубоким. Но менять что-либо было поздно. Внизу открылась дверь, и раздались мужские голоса.

Она вышла из комнаты и начала спускаться.

Евгений стоял в холле спиной к лестнице. Горничная приняла у него пальто, Иван вышел навстречу из кабинета. Мужчины пожали руки, обменялись несколькими словами, и Евгений вдруг замолчал. Его плечи напряглись. И он медленно повернул голову.

Валерия остановилась на середине лестницы и вдохнула. Запах незнакомого мужчины проник под кожу, наполнил грудь и заставил пальцы сжаться на перилах. Она слышала об истинности с детства. Отец объяснял, что медведь узнаёт женщину мгновенно, а женщина — своего зверя. Валерия представляла это чем-то мягким, тёплым и почти романтичным. Ей никто не говорил, что узнавание окажется таким

требовательным. Тело отозвалось на Евгения раньше, чем она успела испугаться. По спине прошла дрожь, грудь стала тяжёлой, а внизу живота потянуло от внезапного желания.

Зелёные глаза Евгения потемнели. Он смотрел на неё открыто и тяжело. Его ноздри раздулись, ладонь сжалась, и на секунду Валерия увидела в мужчине зверя, который уже признал её.

— Лера, — позвал отец.

Она спустилась на оставшиеся ступени. Евгений не двинулся навстречу, хотя по его напряжённому лицу было видно, чего ему стоит оставаться на месте.

— Евгений Викторович, — сказала Валерия.

— Валерия Ивановна.

Его голос она помнила по рабочим разговорам. Сейчас он стал ниже и более хриплым.

Иван посмотрел на дочь, а затем на гостя.

— Что? Неужто истинные?

— Да, — ответил Евгений.

Валерия одарила его возмущённым взглядом.

— Почему ты отвечаешь за двоих?

— Потому что ты тоже это почувствовала.

— Но это не даёт тебе права говорить за меня!

Уголок его рта приподнялся.

— Теперь вижу, что Иван ничего не преувеличивал.

— Что именно он тебе рассказывал?

— Что окончательное решение принимаешь ты.

— И тебя это удивляет?

— Радует.

Евгений протянул ей руку. Валерия посмотрела на крупную ладонь и коснулась её пальцами.

От прикосновения стало ещё хуже. Жар устремился по руке, дыхание сбилось, а Евгений сжал её пальцы крепче, чем требовало обычное приветствие. Под кожей на его запястье тяжело бился пульс.

Он тоже едва удерживал себя. Эта мысль немного успокоила Валерию.

— И что теперь? — спросила она.

— Сначала поговорим.

— А потом?

— Решим, когда поженимся.

Она выдернула руку.

— Мы ещё пяти минут не знакомы.

— Истинность от этого никуда не денется.

— Она не принимает решения вместо меня!

Евгений помолчал и перевёл взгляд на Ивана.

— Вы предупреждали.

— Я старался, — довольно ответил отец.

— Вы оба можете не делать вид, что меня здесь нет?

Евгений снова посмотрел на неё.

— Хорошо. Я приехал познакомиться с женщиной, на которой мне предложили жениться. Оказалось, она моя истинная. Я не вижу причин откладывать, а тем более отказывать-

ся.

— А я вижу!

— Назови.

— Ты старше меня на пятнадцать лет.

— Это я исправить не смогу.

— Ты привык распоряжаться.

— Моя работа требует.

— И ещё ты за две минуты решил, что я стану твоей женой!

— Если откажешься, силой не поведу.

— Какая щедрость.

Иван тихо рассмеялся, а Валерия повернулась к нему.

— Тебе весело, папа?

— Очень. Пойдёмте в кабинет. Там вы хотя бы не напугаете прислугу.

Отец был очень рад и не собирался этого скрывать. Он сразу изложил условия. После брака Валерия сохраняла собственность, долю в компании и право самостоятельно управлять ею. Калинины и Михайловы оставались отдельными родами. Брачный договор должен был защитить обе стороны, а фамилию Валерия могла не менять до рождения наследника.

Евгений слушал, задавал вопросы и не пытался торговаться. Несколько раз он прижимал пальцы к виску, а потом незаметно ослабил узел галстука.

— Тебе плохо? — спросила Валерия.

— Не выспался.

— После аварии прошло всего несколько дней.

— Целитель разрешил поездку.

— Наверняка с условием, что ты будешь отдыхать!

— Он ставит это условие всегда.

— И ты всегда его игнорируешь?

— Только когда занят.

— Удобно.

Иван предложил Евгению остаться в гостевом доме, пока они будут обсуждать проект. Тот сначала хотел отказаться, однако отец напомнил о запланированной встрече с подрядчиками.

— Дом свободен, — добавила Валерия. — А до города отсюда ехать больше часа.

— Ты хочешь, чтобы я остался? — спросил Евгений.

Запах истинного мешал думать. Несколько метров между ними не помогали. Валерия чувствовала его постоянно и уже представляла, что произойдёт, если они окажутся ближе. Но отступать ей не хотелось.

— Я хочу успеть понять, собираюсь ли выходить за тебя замуж.

— Тогда точно останусь.

За ужином Евгений расспрашивал её о работе. Не о планах, увлечениях или планах завести детей, а о логистике терминала, переговорах с перевозчиками и людях, которых Валерия собиралась оставить в руководстве после ухода отца.

Она сначала отвечала осторожно, ожидая, что мужчина начнёт поправлять или поучать. Евгений же слушал внимательно, спорил с отдельными решениями и соглашался, когда её доводы оказывались убедительнее.

— Ты рассчитывал получить Калининых вместе с женой?

— спросила она, когда отец ушёл принимать лекарства.

— Нет.

— Даже не думал, что после брака компания перейдёт под твоё управление?

— У меня хватает своей работы.

— Обычно мужчины говорят иначе.

— Обычно мужчины не управляют холдингом Михайловых.

— Опять хвастаешься?

— Объясняю.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела на него. Евгений почти не притронулся к мясу и несколько раз пил воду. Под глазами залегли тени, но голос оставался спокойным.

— Зачем тебе жена? — спросила Валерия.

— Мне тридцать семь. Совет давно напоминает о наследнике.

— Значит, подойдёт любая здоровая женщина?

— Если бы подходила любая, я бы давно женился.

— Тогда почему не женился?

— Не встретил ту, с которой захотелось бы просыпаться каждый день.

— А теперь, значит, встретил?

Евгений протянул руку через стол. Большой палец лёг на внутреннюю сторону её запястья.

— Теперь медведь не оставит мне другого выбора.

Валерия хотела отнять руку, но не сделала этого.

— Я говорю о тебе, а не о медведе.

— Мне нужно время, чтобы узнать тебя. Желание проснуться рядом уже появилось.

Она почувствовала, как загорелись щёки.

— Ты со всеми женщинами так разговариваешь?

— Нет. Раньше мне не приходилось уговаривать истинную выйти за меня.

— Ты меня ещё не уговаривал!

— Тогда у нас впереди несколько дней.

Первый поцелуй случился на следующее утро. Валерия собиралась ехать в офис, когда увидела Евгения возле гостевого дома. Он вышел без пальто и стоял на крыльце, упираясь рукой в перила.

— Ты опять плохо себя чувствуешь?

— Уже прошло.

— Тебе нужен врач.

— Мне нужен кофе.

— Сначала врач!

— Валерия.

— Не рычи на меня!

— Я ещё не рычал.

Она поднялась на крыльцо и коснулась его лба. Кожа оказалась тёплой, хотя на улице было морозно. Евгений перехватил её запястье. Его запах окутал со всех сторон. Валерия подняла голову. Он смотрел на её губы и медленно притягивал ближе свои, оставляя достаточно времени, чтобы она отступила. Но она не отступила.

Евгений наклонился и коснулся её рта. Первый поцелуй получился осторожным. Затем его ладонь легла Валерии на затылок, пальцы погрузились в волосы, а губы стали настойчивее.

Она схватилась за полы его рубашки и прижалась к широкой груди. Евгений целовал глубоко, жадно, проводил языком по её языку и удерживал так, словно боялся отпустить. В груди завибрировал низкий рык. Валерия вздрогнула от этого звука и отстранилась. Евгений тяжело дышал. Его глаза стали совсем тёмными.

— Вот теперь рычал, — прошептала она.

— Предупреждал, что умею.

— Это истинность?

— Не только.

— Откуда ты знаешь?

— Медведь требует унести тебя в дом. А я хочу поцеловать ещё. И не раз.

Она улыбнулась.

— Разница есть?

— Огромная.

Валерия поцеловала его сама. На работу она опоздала почти на час.

Следующие три дня Евгений проводил с Иваном на объекте и каждый вечер возвращался к ужину. Валерия видела, как тяжело ему давались долгие встречи. Иногда он ненадолго замолкал, тёр грудь и дышал медленнее, переживая слабость.

Уехать или вызвать своего целителя Евгений отказывался. Он пил назначенное лекарство, уверял, что зверь восстанавливается после аварии, и переводил разговор на другое. Валерия сердилась, но каждое утро ждала его появления.

Они спорили о работе, гуляли по лесу и дважды ездили в город. Евгений познакомился с руководителями отделов, которых она собиралась оставить рядом с собой, и ни разу не попытался вмешаться. На совещании он сел возле Ивана, предоставив Валерии место во главе стола.

Вечером она спросила, сделал ли он это намеренно.

— Ты проводила совещание, — ответил Евгений. — Где ещё тебе сидеть?

— Рядом с тобой многие мужчины забывают об очевидных вещах.

— Значит, выбрала не тех мужчин.

— Я никого не выбирала.

Он остановился посреди дорожки и притянул её к себе.

— А меня?

— Пока думаю.

— Четвёртый день.

— Для выбора мужа это не срок.

— Согласен.

— Тогда почему торопишь?

— Потому что каждую ночь сплю в соседнем доме и слушаю, как мой медведь пытается выломать дверь.

Валерия рассмеялась, положила ладони ему на грудь и почувствовала частое сердцебиение.

— Ты уверен, что с тобой всё хорошо?

— Перестань проверять.

— Тебя недавно едва не придавило перекрытием.

— Зато людей успели вытащить.

— А если бы не успели?

— Я держал бы дольше.

Она нахмурилась.

— Тебе совсем себя не жалко?

— Жалко. Поэтому я собираюсь жениться на женщине, которая следит, чтобы я пил лекарства и вовремя ел.

— Очень романтическое признание.

— Могу добавить, что мне нравятся твои глаза, волосы и характер.

— Мой характер тебе точно не нравится.

— Нравится. С покладистой женой я заскучаю.

— Ты уже решил, что я соглашусь?

Евгений провёл костяшками пальцев по её щеке.

— Я решил, что соглашусь сам. Завтра поговорю с твоим

ОТЦОМ.

— О браке?

— О браке, доме и договоре. Приму все условия, которые вы с ним назвали.

— Даже мою фамилию?

— Оставляй.

— А дети?

— Михайловы. Я же глава рода.

— А если первой родится девочка?

— Ты же знаешь законы. Но в некоторых вопросах я готов торговаться.

Валерия толкнула его ладонями в грудь, но Евгений лишь крепче обнял её.

— Я ещё не сказала, что выйду за тебя.

— Скажешь.

— Невыносимый медведь.

— Зато надёжный. Твой отец подтвердит.

Она рассмеялась, а он наклонился к её губам. Поцелуй быстро перестал быть лёгким. Евгений прижал Валерию к себе, скользнул ладонью по спине и накрыл ягодицу. Даже через одежду прикосновение отдалось жаром между ног.

— Здесь холодно, — сказал он.

— Ты предлагаешь вернуться в дом?

— Предлагаю пойти ко мне.

— В гостевой дом?

— Лера, я четвёртую ночь почти не сплю. Не заставляй

меня объяснять подробнее.

Улыбка исчезла с её лица. Евгений сразу разжал руки.

— Если не хочешь, я провожу тебя домой.

Она видела, как ему трудно отступить. Медведь рвался к истинной, тело выдавало желание, но Евгений ждал её решения и не пытался использовать связь.

Четыре дня были слишком коротким сроком для выбора мужа. Только Валерия успела узнать о нём больше, чем о мужчинах, с которыми встречалась месяцами.

Он не боялся её упрямства, уважал работу и не искал возможности присвоить компанию. Отдал ей главное место за столом, потому что оно принадлежало ей. Рисковал собой ради людей и держал слово, даже когда терял деньги. А утром уже официально собирался попросить у отца её руки.

— Я пойду с тобой, — сказала она.

До гостевого дома они добрались молча. Евгений держал Валерию за руку и время от времени замедлял шаг. Возле двери она остановилась.

— Тебе опять плохо?

— Нет.

— Не ври.

— Немного голова кружится. Сейчас пройдёт.

В доме было тепло. Евгений включил свет, снял пальто и достал из дорожной сумки небольшой флакон.

— Что это?

— Восстановительный отвар.

Он добавил несколько капель в стакан воды и выпил. Валерия следила за ним, пока он убирал лекарство.

— Твой целитель знает о слабости?

— После такого обращения она нормальна.

— Ты обещаешь завтра показаться ему?

— После разговора с твоим отцом позвоню Матвеичу.

— Я запомнила.

— Не сомневаюсь.

Она сняла сапоги и прошла в гостиную. Сердце колотилось, руки мешали, а решение с каждой секундой казалось смелее.

Евгений подошёл сзади. Его ладони легли на талию, губы коснулись волос возле виска.

— Ещё можешь передумать.

— А ты?

— Я слишком долго ждал, пока ты решишь.

— Четыре дня — это долго?

— Для моего медведя — вечность.

Валерия повернулась в его руках и расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки.

— Я не хочу, чтобы завтра ты объяснял эту ночь истинностью.

— Не стану.

— Или считал, что теперь я обязана выйти за тебя.

— Ты мне ничего не обязана.

— И я не собираюсь бросать работу после свадьбы.

— Мы это уже обсудили.

— Жить в твоём доме постоянно тоже не обещаю.

— Обсудим утром.

— Почему утром?

— Потому что сейчас я не могу думать и хочу тебя раз-
деть.

Валерия потянула его за рубашку и поцеловала. Евгений обхватил её лицо, ответил на поцелуй и оттеснил к стене. Его бедро оказалось между её ног, ладони скользнули по талии и бёдрам.

Она выгнулась к нему, сама углубила поцелуй и услышала глухой рык. От этого звука по телу прошла дрожь. Она растегнула несколько пуговиц, запустила руки под рубашку и провела по горячей коже груди.

Евгений оторвался от её губ.

— Ты уверена?

— Если согласишься ещё раз, я уйду.

Он подхватил её на руки. Валерия обвила ногами его пояс, рассмеялась и прижалась ртом к шее. Евгений понёс её в спальню, но возле кровати пошатнулся. Она сразу опустила ноги.

— Женя...

Он замер и посмотрел на неё. Валерия впервые назвала его так.

— Всё хорошо, — сказал он.

— Сядь.

— Я могу...

— Сядь.

Он подчинился и опустился на край кровати. Валерия встала между его коленями, расстегнула оставшиеся пуговицы и стянула рубашку с широких плеч.

На груди и боку темнели свежие синяки. Один уходил под рёбра, а рядом виднелась глубокая царапина.

— Это после аварии?

— Уже заживает.

Она осторожно провела пальцами возле синяка.

— Больно?

— Когда ты так трогаешь — нет.

Евгений обнял её за талию и поцеловал живот через платье. Затем расстегнул молнию на спине. Ткань соскользнула с плеч, открыла грудь и собралась на талии. Он замер, рассматривая её.

— Что?

— Ты очень красивая.

— Только сейчас заметил?

— Сейчас решился сказать.

Он снял с неё платье и притянул ближе. Губы накрыли сосок через кружево бюстгальтера, язык обвёл ставшую чувствительной вершину. Валерия выдохнула и вцепилась пальцами в его волосы.

Евгений расстегнул застёжку, отбросил бельё и сжал грудь ладонями. Целовал по очереди, втягивал соски в рот и про-

водил по ним языком, пока Валерия не начала тихо стонать и прижиматься к его губам.

— Ложись, — сказал он.

— Ты опять распоряжаешься.

— Да.

— А если не послушаюсь?

Евгений поднял её, уложил на кровать и навис сверху.

— Тогда помогу.

Он поцеловал Валерию, провёл ладонью по животу и добрался до края трусиков. Пальцы скользнули под тонкую ткань.

Она задохнулась от первого прикосновения. Евгений медленно погладил внутреннюю сторону её бёдер, раздвинул влажные складки и нашёл самую чувствительную точку.

— Уже готова, — хрипло произнёс он.

— Попробуй четыре дня чувствовать запах истинного.

— Мне было не слаще.

Он снял с неё трусики, развёл колени и опустился ниже. Валерия приподнялась на локтях.

— Что ты...

Евгений поцеловал внутреннюю сторону бедра.

— Расслабься...

Его язык прошёл по влажным складкам снизу вверх. Валерия вскрикнула и упала на подушки. Евгений удерживал её бёдра крупными ладонями, языком нашёл чувствительную точку, медленно ласкал и не позволял сомкнуть ноги.

Язык проникал внутрь, возвращался к набухшему чувствительному месту и резво обводил его кончиком.

Она запустила пальцы в его волосы и потянула сильнее. Евгений глухо зарычал, прижал её к своему рту и ускорился.

Наслаждение нарастало слишком быстро. Валерия пыталась сдержать стон, но каждый новый толчок языка лишал её контроля. Евгений следил за реакцией, менял движения и снова возвращался к тем, от которых она выгибалась ему навстречу.

— Женья...

Он не поднял головы. Палец вошёл внутрь и следом добавился второй. Евгений продолжал ласкать её языком и двигал рукой в одном ритме. Валерия сжала покрывало, напряглась, вскрикнула и задрожала, когда удовольствие накрыло всё тело.

Евгений не отпустил её, продолжил мягко целовать, пережидая последние волны, а затем поднялся, поцеловал и лёг рядом.

Валерия повернулась к нему. Его губы блестели от её влаги, взгляд оставался тёмным и голодным. Она притянула его к себе и снова поцеловала.

— Ты теперь всегда будешь так делать? — спросила она.

— Если позволишь.

— Даже после свадьбы?

— Особенно после свадьбы.

— Это весомый довод. Мне понравилось.

Евгений рассмеялся и снова поцеловал её. Валерия провела ладонью по его животу, расстегнула ремень и брюки. Он перехватил её руку.

— Ты не обязана...

— Я хочу.

Она высвободила пальцы и стянула с него оставшуюся одежду. Твёрдая плоть прижалась к животу, тяжёлая и горячая. Валерия обхватила её ладонью, провела от основания к головке и услышала резкий вдох.

— Лера... Не издевайся.

— Я с ним знаколюсь.

Она опустилась ниже и провела языком по головке. Евгений застонал, откинулся на подушки и сжал пальцами простыню.

Валерия взяла его в рот, сначала осторожно, привыкая к размеру. Губы скользнули глубже. Она помогала рукой, двигалась медленно и наблюдала за его лицом.

Евгений поднял ладонь и убрал волосы с её щеки.

— Посмотри на меня.

Валерия подняла глаза и снова вобрала его глубже. На скулах Евгения заходили желваки. Он держал её волосы и следил за каждым движением. От его взгляда возбуждение вернулось ещё сильнее. Она ускорилась.

— Лера, остановись...

Она выпустила его изо рта.

— Тебе не нравится?

— Ещё немного, и всё закончится раньше, чем я окажусь внутри тебя.

Он потянул её вверх, перевернул на спину и устроился между разведённых ног. Твёрдая головка коснулась входа.

— У тебя есть защита? — спросила Валерия.

Евгений замер. Она знала, что истинные редко предохранялись. Связь принимала возможного ребёнка естественной частью союза, но никакой магии, защищавшей от беременности, не существовало.

— Есть, — ответил он. — В сумке.

Валерия решительно обвила ногами его бёдра. Утром Евгений собирался говорить с отцом о свадьбе. Она уже знала, что согласится. Не из-за истинности и не из-за страха остаться одной. Этот мужчина слушал её, уважал отца и собирался принять все условия брачного договора. Она хотела его целиком.

— Не надо. Я согласна... на всё.

Евгений внимательно посмотрел ей в глаза.

— Если появится ребёнок, я буду рад. Но решение за тобой.

— За мной, — подтвердила Валерия и притянула его ближе. — И я решила.

Он вошёл медленно, давая телу привыкнуть. Валерия вцепилась в его плечи и зажмурилась от болезненного растяжения. Евгений остановился.

— Больно?

— Немного.

— Я подожду.

Она открыла глаза. Его лицо находилось совсем близко, на лбу выступила испарина, руки дрожали от напряжения.

— Двигайся, — прошептала Валерия.

— Точно?

— Женья!

Он усмехнулся, поцеловал её и плавно подался вперёд. Боль быстро сменилась наполненностью и жаром. Евгений двигался медленно, каждый раз входил глубже и следил за её лицом.

Валерия обхватила его крепче. Истинность обостряла каждое прикосновение. Она чувствовала тяжесть его тела, движение мышц под ладонями и запах мужчины, которого уже не хотела отпускать.

— Быстрее, — попросила она.

Евгений приподнялся, взял её за бёдра и изменил угол. Следующий толчок заставил Валерию громко застонать.

— Так?

— Да...

Он повторил ещё раз. Кровать тихо скрипела, из груди Евгения вырывался низкий рык. В каждом движении ощущалась сдерживаемая сила. Он мог подмять её под себя, удержать и взять так, как требовал зверь, но не терял контроля.

Валерия сама толкнулась навстречу. Его пальцы крепче сжали её бёдра, движения стали быстрее и жёстче. Он вошёл

глубоко, задержался на мгновение и снова отступил.

Она царапнула его плечи и потянулась за поцелуем. Евгений накрыл её губы, просунул ладонь между их телами и коснулся пальцами чувствительного места.

Наслаждение собралось внутри и разлилось жаром по животу. Валерия стонала ему в губы, двигалась навстречу и уже не могла определить, где заканчивается её желание и начинается требование истинной связи.

Его пальцы задвигались быстрее. Евгений сделал ещё несколько глубоких толчков, и Валерия задрожала под ним. Оргазм прокатился по телу, заставил выгнуться и сжать его внутри.

Евгений зарычал, вошёл до конца и замер. Она почувствовала, как он излился, обхватив её так крепко, что на талии наверняка останутся следы.

Несколько секунд они лежали неподвижно. Потом Евгений осторожно вышел, перевернулся на спину и притянул Валерию к груди. Его сердце билось быстро и неровно.

Она приподнялась.

— Тебе плохо?

— Мне очень хорошо.

— Сердце...

— Успокойся.

Валерия положила ладонь ему на грудь и нахмурилась.

— Завтра ты звонишь целителю.

— После разговора с Иваном.

— Сначала целителю.

— Сначала нормально попрошу у него твоей руки.

— Он уже согласен.

— Я должен сказать, что согласен сам.

Валерия улыбнулась и провела пальцами по его груди, обходя синяки.

— У тебя было много женщин?

— Были.

— Это я уже поняла.

— Хочешь точное число?

— Нет. Ещё разозлюсь.

Евгений погладил её по спине.

— А ты... ну... я понял, что...

— Один...

Его рука замерла.

— Кто?

— Не скажу.

— Давно?

— Два года назад.

Евгений зарычал и перевернул её на спину.

— Женя, это было до тебя!

— Медведю плевать.

— А тебе?

— Мне тоже не нравится представлять чужие руки на тебе.

Валерия обняла его за шею.

— Придётся смириться.

— Придётся, — согласился он и поцеловал её.

Он накрыл их одеялом и прижал Валерию к себе. Его дыхание постепенно выравнилось, сердцебиение стало спокойнее.

За окном темнел мартовский лес. До отцовского дома было несколько минут пешком, утром Валерия собиралась вернуться туда вместе с Евгением и принять официальное предложение.

Она закрыла глаза. Четыре дня назад Валерия возмущалась, что отец решил познакомить её с тридцатисемилетним главой другого рода. Теперь лежала в его постели, чувствовала тяжёлую руку на своей талии и думала, сколько комнат понадобится в доме для детей.

— Не спишь? — спросил Евгений.

— Думаю.

— Опасное занятие.

— Я согласна.

Его рука на её талии напряглась.

— На что?

— Выйти за тебя.

Евгений повернул её к себе.

— Повтори.

— Не буду. Завтра скажу при папе.

— Лера!

— Ты уже слышал!

Он нежно поцеловал её.

— Утром поговорю с Иваном, — сказал Евгений. — Потом съезжу домой, разберусь с делами и вернусь за тобой.

— Надолго уедешь?

— На день. Может, на два.

Общая жизнь начиналась утром. Валерия уснула в объятиях истинного, ни на секунду не сомневаясь, что теперь он останется рядом.

Глава 3

Запах истинного наполнил двор, и Валерия снова оказалась в том мартовском утре.

Она тогда проснулась одна. Простыня рядом ещё хранила тепло, из гостиной доносились мужские голоса. Валерия нашла платье, накинула его и босиком вышла из спальни.

Евгений стоял возле стола и пытался застегнуть рубашку. Пальцы не слушались, лицо побледнело, а на лбу выступил пот. Рядом с ним находился незнакомый мужчина из охраны Михайловых и кому-то звонил.

— Что случилось?

Евгений поднял голову. Его зелёные глаза потускнели, дыхание стало тяжёлым.

— Мне срочно нужно уехать.

— Куда?

— Домой.

Она подошла и взяла его за руку. Кожа оказалась совсем холодной, пульс под пальцами едва прощупывался.

— Тебе нужен врач.

— За мной уже едут целители.

— Тогда я поеду с тобой!

— Нельзя.

— Почему?

— Лера, не спорь сейчас.

Евгений пошатнулся, и охранник успел поддержать его. Валерия испугалась так сильно, что спорить действительно не смогла.

Через несколько минут к дому подъехали две машины. Мужчины Михайловых быстро поднялись на крыльцо, окружили Евгения и заговорили о звере, сердце и срочном отъезде. Валерия пыталась добиться объяснений, но никто ничего толком не отвечал.

Евгений остановился у машины, обернулся к ней и выпрямился, хотя едва держался на ногах.

— Мне нужно уехать, но я вернусь за тобой.

Она поверила. Ждала его на следующий день. Звонила ему, его брату Вадиму, в главный дом Михайловых и в управление рода. Ей отвечали, что состояние Евгения тяжёлое, его увезли в защищённое место, а связь с ним невозможна.

Позднее Вадим приехал сам и сказал, что брат не хочет связывать её обещаниями. Посоветовал забыть договорённости, проведённое вместе время, и жить дальше. Валерия ему сначала не поверила. Но потом прошла неделя, месяц, родился Богдан, умер отец, а от Евгения не пришло ни единого слова. А теперь он стоял перед ней. Живой.

Он присел возле Богдана и держал сына за руку, не зная, чьи пальцы сжимает в своей ладони.

— Лера, всё хорошо? — спросил Вадим.

Она вздрогнула и посмотрела на мужа. Его рука лежала

у неё на спине, а большой палец медленно двигался вдоль позвоночника. Со стороны этот жест выглядел заботливым. Однако Валерия знала, какое предупреждение в нём скрывалось.

— Всё прекрасно, — ответила она.

— Тогда идёте в дом. Женя устал с дороги.

Вадим убрал руку с её спины и повёл брата к крыльцу. Люди расступались перед Евгением, приветствовали настоящего главу и пытались хотя бы коснуться его плеча. Он отвечал каждому и несколько раз останавливался, чтобы поговорить со стариками.

Валерия смотрела ему вслед и не могла заставить себя войти.

— Мам, — позвал Богдан.

Сын стоял рядом и продолжал рассматривать Евгения.

— Что?

— Дядя Женя правда такой большой или это потому, что он долго спал?

— Он всегда был большим...

— Ты его помнишь?

Валерия сжала пальцы.

— Немного.

— А он тебя помнит?

Евгений остановился у двери и посмотрел на неё. Он услышал вопрос с такого расстояния. Богдан тоже понял это и смутился.

— Наверное, — ответила Валерия, взяла сына за руку и повела в дом.

В главной гостиной накрыли столы. Родственники, старейшины и руководители холдинга по очереди подходили к Евгению. Семён Матвеевич посадил его в кресло, поставил рядом воду и предупредил, что праздник закончится, если пациент попробует встать раньше времени.

— Я семь лет пролежал, — возмутился Евгений. — Хватит, ну.

— Мало лежал, раз ума не набрался.

Люди засмеялись. Евгений тоже улыбнулся, выпил воду и откинулся на спинку кресла. Он выглядел осунувшимся, на висках появилась седина, а костюм сидел свободнее, чем должен был. Сила зверя ощущалась и сейчас, но человеческому телу требовалось время.

Валерия сидела рядом с Вадимом и чувствовала запах истинного через всю комнату. Связь проснулась после первого вдоха и теперь постоянно тянула её к Евгению. Хотелось подойти, провести пальцами по его чуть седым вискам и убедиться, что он действительно жив. Она опустила руку под стол и сжала колено.

Вадим разговаривал с Петром Алексеевичем, улыбался и время от времени касался её плеча. Он демонстрировал брату жену и не позволял забыть, кому она принадлежит по закону.

— Можно я пойду к дяде Жене? — тихо спросил Богдан.

— Потом, — ответил Вадим.

— Он же один сидит.

— Вокруг него полдома.

— Но с ним никто про медведя не разговаривает.

Вадим повернул голову и тихо процедил:

— Я сказал: потом.

Богдан сразу опустил глаза и поджал губы. Евгений наблюдал за ними. Валерия встретила с ним взглядом, но первой отвернулась.

Она ненавидела себя за слабость. Прошло почти семь лет. За эти годы она родила сына, похоронила отца, удержала компанию и научилась жить рядом с мужчиной, который ждал её полного подчинения. Возвращение Евгения не могло снова превратить её в молоденькую дурочку, поверившую одному обещанию.

— Иди, — сказала она Богдану.

Сын посмотрел на Вадима.

— Мама разрешила.

— Тогда иди, — недовольно согласился тот. — Только не мешай взрослым.

Богдан сполз со стула и осторожно направился к Евгению. Возле кресла остановился, спрятал руки за спину и долго молчал.

— Хотел что-то спросить? — помог ему тот.

— Ты спал медведем или человеком?

— Человеком.

— А твой медведь тоже спал?

— Да.

— Ему не было страшно?

Евгений посмотрел на мальчика внимательнее.

— Наверное, было. Но он знал, что рядом Семён Матвеевич и другие целители.

— Медведи тоже боятся?

— Конечно.

Богдан удивлённо приоткрыл рот.

— Даже взрослые?

— Особенно когда есть кого терять...

— Папа говорит, настоящий медведь ничего не боится!

Евгений перевёл взгляд на Вадима, затем снова посмотрел на ребёнка.

— Тот, кто ничего не боится, плохо понимает, что происходит вокруг. Смелый медведь тоже боится, но делает то, что должен.

Богдан придвинулся ближе.

— А если я испугаюсь на обращении, все увидят?

— Увидят.

Мальчик нахмурился.

— Это плохо?

— Нет.

— А если у меня не получится?

Евгений поставил стакан на столик и протянул руку.

— Иди сюда.

Богдан подошёл. Евгений присел перед ним, хотя Семён Матвеевич недовольно покачал головой.

— С первого раза никто не умеет управлять зверем, — сказал Евгений. — Для этого рядом будут взрослые медведи. Ты услышишь их и вернёшься.

— Папа говорит, что я должен справиться сам.

— Первое обращение проводят в кругу именно потому, что медвежонку может понадобиться помощь.

Богдан быстро посмотрел на Вадима и понизил голос:

— А ты там будешь?

— Обязательно.

— Рядом?

— Если захочешь.

На лице сына появилась улыбка. Валерия отвернулась, потому что глаза защипало.

Богдан никогда не просил Вадима остаться рядом. Перед тренировками он спрашивал, когда сможет уйти, и старался понять по лицу отца, за что сегодня получит наказание. Но возле Евгения сын простоял несколько минут и уже доверил ему свой главный страх. Видимо, зверь узнал отца.

Хорошо, что Евгений видел только племянника. В зелёных глазах Богдана он наверняка узнавал семейную кровь и ничего больше. Медведи одного рода часто были похожи. До первого обращения. Она надеялась, что медведь не узнает своего медвежонка.

— Богдан, — позвал Вадим.

Сын не услышал, коснулся ладони Евгения и сравнил свои пальцы с его.

— У меня тоже будут такие большие руки?

— Надеюсь, поменьше. Перчатки трудно покупать.

Богдан засмеялся. Вадим подошёл, положил руку сыну на плечо и резко поднял его на ноги.

— Я тебя звал.

Мальчик побледнел.

— Я не слышал...

Пальцы Вадима сжались. Богдан дёрнулся, но не заплакал.

— Отпусти его, — сказала Валерия.

Вадим сразу разжал руку и улыбнулся брату.

— Задумался парень. Последние дни только об обращении и говорит.

Евгений медленно поднялся. Рядом с братом он всё равно казался крупнее, хотя ещё не восстановил прежний вес.

— Ты сделал ему больно.

— Да не рассчитал немного. Свои дети появятся, поймёшь, как легко забыть, что перед тобой медвежонок, а не взрослый мужик.

Валерия посмотрела на мужа. Он знал, чьего ребёнка сейчас назвал своим и кому говорил о будущих детях.

— Иди ко мне, Богдан, — велела она.

Сын послушался. Вадим проводил его взглядом, поправил пиджак и снова повернулся к гостям.

— Жека, тебе надо сесть. Семён Матвеич меня убьёт, если

ты свалишься на собственном празднике.

— Не свалюсь.

— В нашем возрасте надо быть внимательнее к себе.

— Тебе тридцать пять.

— И последние семь лет я старел за двоих.

Вадим рассмеялся и положил ладонь брату на спину. Евгений позволил усадить себя, но продолжал смотреть на Богдана, пока Валерия увела сына наверх.

Анна Семёновна ждала их в детской. Она помогала в доме Калининых ещё до рождения Валерии, а после свадьбы собрала вещи и переехала к Михайловым. За шесть лет няня стала единственным человеком, рядом с которым Лера могла перестать следить за каждым словом.

— Что случилось? — спросила она, заметив лицо Богдана.

— Папа рассердился, — ответил мальчик.

— Покажи плечо.

— Не надо.

— Богдан!

Он послушно снял пиджак. На коже уже проступали красные следы от пальцев. Валерия выругалась, достала телефон и сделала несколько снимков.

— Мам, не надо фотографировать.

— Почему?

— Папа сильнее рассердится.

— Он не увидит.

— Он всё видит.

Валерия присела перед сыном.

— Послушай меня. Ты ни в чём не виноват. Можешь разговаривать с дядей Женей, задавать вопросы и смеяться. Для этого не нужно разрешение отца.

— А если он запретит?

— Тогда я с ним поговорю.

Богдан нахмурился и потёр плечо.

— Завтра тренировка.

— Завтра её не будет.

— Папа сказал, перед обращением нельзя пропускать.

— Я сама ему скажу.

Сын посмотрел на неё с недоверием. Он уже знал, что слова матери не всегда защищали от Вадима. Валерия обняла его, поцеловала в висок и помогла переодеться.

— Побудь с тётей Аней. Я скоро вернусь.

— Ты пойдёшь к папе?

— Да.

Богдан обхватил её за шею.

— Не ходи.

— Всё хорошо. Он меня не тронет.

— Он будет кричать.

— Пусть попробует.

Она дождалась, пока сын отпустит, и вышла из комнаты. Анна Семёновна догнала её в коридоре и закрыла дверь детской.

— Он никогда к Вадиму так не шёл, — тихо сказала она.

— Потому что Женя пока его не ударил.

— Лера...

— Ты сама видела плечо.

— Видела. И знаю, что завтра Вадим снова потащит его на площадку.

— Не потащит.

Няня поправила выбившуюся из причёски седую прядь.

— Сегодня лучше не спорить. В доме гости, мальчик устал, а Евгений Викторович едва на ногах держится.

— Значит, Вадим особенно уверен, что я промолчу.

— Я не об этом.

— А о чём?

Анна Семёновна посмотрела на закрытую дверь.

— Богдан почувствовал его?

Валерия скрестила руки на груди.

— Он любопытный ребёнок. Все говорили о вернувшемся главе, поэтому ему интересно.

— Ко мне он прижимался, когда Вадим впервые вывел его на тренировочную площадку. Рядом с родным отцом ребёнок не должен каждый раз следить, куда поставить ногу и когда можно задать вопрос.

— Не начинай.

— Ты никогда не говорила, но... но я умею считать сроки.

Валерия резко посмотрела на неё. Няня не отвела глаз. Она знала, что супруги жили в разных комнатах с первого

дня. Помнила, как Валерия ждала Евгения, отказывала Вадиму, а через несколько недель начала закрывать ладонью рот по утрам, чтобы скрыть тошноту от прислуги. И вскоре согласилась на предложение младшего Михайлова.

— Ты ничего не знаешь, — сказала Лера. — И не говори об этом никому.

— За кого ты меня принимаешь?

Валерия прикрыла глаза и потёрла виски.

— Прости.

— Я шесть лет жду, когда ты перестанешь извиняться за всё, что делает Вадим.

— Я не за него извиняюсь.

— Тогда скажи Евгению Викторовичу правду!

— Зачем?

— Он имеет право знать!

— Право? — Валерия понизила голос, чтобы Богдан не услышал. — Он исчез после первой же ночи! Почти семь лет ни разу не спросил, жива ли я, и теперь имеет право на моего сына?

— Ты не знаешь, почему он молчал.

— Потому что не хотел говорить со мной.

— Ты слышала это от него?

— Его брат передал достаточно ясно.

— Вадим многое говорит достаточно ясно.

Валерия не ответила. Внизу раздался смех, среди голосов она различила низкий голос Евгения. Истинная связь сразу

отозвалась на него.

— Если Женя узнает, он заберёт Богдана в свой род, — сказала она. — Начнётся спор об отцовстве, вмешается Совет, а Вадим не отдаст ребёнка спокойно. До обращения никакой обряд всё равно ничего не подтвердит.

— После обращения сможет...

— И тогда я должна поверить, что мужчина, исчезнувший на семь лет, защитит нас?

— Ты поверила ему за несколько дней.

— Больше не верю.

Анна Семёновна погладила её по руке.

— Я приготовлю холодный компресс. Следы на плече могут остаться.

— Сфотографируй ещё раз вечером.

— Хорошо.

Валерия направилась к лестнице. На середине пролёта её перехватил Вадим. Он встал на пути и подал руку, предлагая спуститься вместе. Внизу их могли видеть гости, поэтому она вложила пальцы в его ладонь.

— Куда ты увела моего сына? — спросил он с улыбкой.

— Переодеться.

— Могла поручить няне.

— На его плече остались следы.

— Исчезнут через час.

— Завтрашнюю тренировку отменишь.

— Нет!

Они спустились в холл. Вадим продолжал держать её руку и приветливо кивал проходившим мимо людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.